

Политико-военная онтология города: город как «архитектурный противник»

Олег Николаевич Забузов✉

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия

zabuzov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6032-2042>

Аннотация. Исследование города и городских феноменов является для современной науки одним из ключевых междисциплинарных направлений, объединяющих историков, социологов, политологов, архитекторов и философов. Очевидно, что ученые при изучении города и городских проявлений исходят из своих научных интересов и принадлежности к той или иной отрасли знания. Вместе с тем исследование политико-военной онтологии города и его специфического феномена «архитектурного противника» позволяет по-новому взглянуть на сам город и его генезис.

Развитие человеческого социума неразрывно связано с прогрессом урбанизации. Городские проявления прослеживаются с Античности и на всем дальнейшем пути развития человечества. В работе показано, что у городов наблюдались зарождение и развитие не только торгово-экономических, правовых и фискальных функций, но также политических и военных. Это выражалось в способности городов проводить собственную политику, направленную не только на благо города, но и на навязывание такой политики вовне.

Город предстает не только как арена политического, но и как поле особого военного противостояния. Все многообразие городских ландшафтов создает диалектические возможности для противоборствующих сторон – от уличных баррикад до использования высотных доминант. Захват и удержание городов, а в особенности столицы, во многом предопределяет не только военный и символический, но и политический успех. Обладание городом формирует условия для создания локуса коллективной памяти как устойчивой социокультурной конструкции, что делает урбанистическое пространство ключевым ресурсом власти и идентичности.

Ключевые слова: город, городской, развитие, военные функции, политические функции, власть, война, архитектура, коллективная память, символическое место

Для цитирования: Забузов О.Н. Политико-военная онтология города: город как «архитектурный противник» // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 3(21). С. 220-234, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3\(21\)-220-234](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3(21)-220-234)

The Political-Military Ontology of the City: the City as an «Architectural Enemy»

Oleg N. Zabuzov✉

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

zabuzov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6032-2042>

Abstract. The study of the city and urban phenomena is one of the interdisciplinary areas of scientific research for modern science. It is clear that when studying the city and its manifestations, scholars draw on their own scientific interests and affiliation with a particular field of knowledge. At the same time, research into the political-military ontology of the city and its specific phenomenon of the «architectural enemy» offers a new perspective on the city itself and its genesis.

The evolution of human society is closely linked to the development of urbanization. Urban manifestations can be traced from antiquity throughout the subsequent course of human history. Cities have witnessed the emergence and development of not only commercial, economic, legal, and fiscal functions, but also political and military ones. All this was reflected in the ability of cities to pursue their own policies, aimed not only at the city's own benefit but also at imposing such policies externally.

The city is not only an arena of political confrontation but also a field of specific military confrontation. The diversity of urban landscapes creates complex and often contradictory opportunities for the opposing sides. The capture and retention of cities, especially the capital, largely determine not only military and symbolic success, but also political success. Possession of a city creates the conditions for the formation of a locus of collective memory as a sociocultural construct.

Keywords: city, urban, development, military functions, political functions, power, war, architecture, collective memory, symbolic place

For citation: Zabuzov O.N. The Political-Military Ontology of the City: the City as an «Architectural Enemy». Russia & World: Scientific Dialogue. 2026; 3(21): 220-234, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3\(21\)-220-234](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3(21)-220-234)

Введение

Феномен города для современной науки выступает в качестве одного из приоритетных междисциплинарных направлений творческого поиска. Ряд ученых определяют комплекс исследований, посвященных городу и различным формам его репрезентации как самостоятельную научную отрасль – «городские исследования» (urban studies).

Различные конфликты последних лет (в том числе на Ближнем Востоке) обусловили переосмысление места и роли городов в системе общественных отношений. Данные события акцентировали значимость городских пространств как арены политического и военного противостояния.

Крупные города, в особенности столицы, являются ареной политической борьбы. В городах, главным образом в больших, сосредоточены основные ресурсы и возможности экономического развития самого города, региона и страны в целом. Они являются центрами финансовых, логистических, людских и других концентраций, распоряжение которыми ставит их в выигрышное положение по сравнению с иными «контрагентами». Города являют собой средоточие культурных и социальных мейнстримов. Именно из городов выдвигаются политические новации, которые распространяются на всю территорию страны, а быть может и близлежащие страны-соседи.

В условиях боевых действий «архитектурный противник»¹ представляет собой совокупность различных фортификационных сооружений и укреплений, со множеством подземных, надземных и воздушных магистралей, средствами связи и наблюдения, ставя город в ряд приоритетных и критически важных объектов. Во многом в городах сосредоточены памятники архитектуры и символические места памяти². Все это в совокупности является своеобразным базисом исторической памяти, что позволяет называть город или его символические места лакомой мишенью в идеологическом плане.

Ввиду этого целью статьи ставится проследить в исторической ретроспективе развитие политико-военной природы города и рассмотреть сущность города как «архитектурного противника».

1 Под «архитектурным противником» стоит понимать городской объект, город в целом, который в условиях военного или политического конфликта воспринимается противоборствующими сторонами как цель, препятствие или укрепленная позиция, а также как эстетически или идеологически чужеродный элемент городской среды.

2 «Место памяти» (фр. lieu de mémoire) – понятие, введенное французским ученым П.Нора в начале 80-х гг. XX в. – объекты, которые со временем и по воле людей стали символическим элементом наследия национальной памяти общности.

Постановка проблемы

Учитывая, что современные военные конфликты все чаще проявляются и акцентируются именно в городских пространствах, это требует уточнения и пересмотра феномена города не только с позиции социальной пространственной среды города [23, с. 21–27] или социальных и культурных аспектов развития города [8]. При анализе структуры бюджета города Е.Г.Анимицем, Е.Б.Дворядкиной, Я.П.Силиным акцентируется внимание исключительно на экономических факторах, исключая из рассмотрения вопросы формирования бюджета, касающиеся кризисных ситуаций [2, с. 84]. Исследованию проблем развития «умных городов» в контексте социально-экономических процессов в российских и зарубежных городах посвящена монография российского ученого И.Ильиной и японского исследователя М.Коно. В ней рассмотрены образ современного города в эпоху цифровизации, этапы формирования «умных городов» и принципы создания «умного города». В монографии вскользь затрагиваются проблемы безопасности и кризисных ситуаций. В частности, авторы ссылаются на документ ООН в области устойчивого развития, где среди требований к устойчивости города выдвигается требование к городу, устойчивому к стихийным и антропогенным бедствиям [6, с. 55]. Даже в книге американского экономиста Р.Флориды «Новый кризис городов» слово «кризис» вынесено автором произведения в его название, однако в книге кризис упоминается исключительно в таких контекстах, как: финансово-экономические, урбанизационные, социального неравенства в городах, кризиса пригородов и кризиса урбанизации в развивающихся странах. Война употребляется им только в двух контекстах: 1) с позиции временных рамок – окончание Второй мировой войны; 2) в контексте экономических войн [22].

Ясно, что город изучается авторами исходя из их научных интересов. Представляется, что рассмотрение города с позиции изучения его политико-военной природы и особого городского феномена – «архитектурного противника» – дает возможность проследить тренды развития города в этом направлении, что выступает определенно новым взглядом на изучение городов.

Материалы и методы

Эмпирическую базу статьи составили три основные группы источников.

Первая группа – исторические и историко-правовые документы, труды классиков политической и социальной мысли, а также работы специалистов в области урбанистики, военной истории и топонимики.

Вторая группа – материалы, освещающие конкретные исторические события и военные конфликты.

Третья группа – нормативно-правовые и публицистические источники.

В работе использован комплекс общенаучных и специальных методов, обусловленных междисциплинарным характером исследования.

Среди специальных методов использованы: сравнительно-исторический метод – сопоставление функций городов в разных цивилизационных и хронологических контекстах; кейс-стади (метод конкретных ситуаций) – детальный анализ отдельных примеров (перенос столиц, городские восстания и войны, «война городов» в Южной Германии 1387/89 гг., боевые действия в Мариуполе и Судже и др.); контент-анализ – при обработке публикаций, посвященных современным военным конфликтам, с целью выявления роли городской инфраструктуры и феномена урбицида; герменевтический метод – интерпретация ключевых понятий исследования («политико-военная онтология города», «архитектурный противник», «урбицид», «коллективная память города») в контексте исследовательских традиций М.Вебера, А.Пиренна, П.А.Кропоткина, А.Росси, М.де Серто.

Результаты исследования

Политико-военная онтология города

Обращаясь к исторической ретроспективе значимости городов, стоит заметить, что все перипетии династических споров, междоусобиц, войн, захватов можно рассматривать как непрерывающийся процесс формирования и переформатирования пространства и иерархической политической структуры. Причем это касается как России, так и Европы. В политической борьбе главенствовали те или иные группы знати, видная роль могла принадлежать представителям крупных торговых кругов.

Философ А.В.Сачкова выделяла в античном этапе эволюции урбанистической цивилизации древнегреческий и древнеримский периоды. Античный этап развития человеческой цивилизации уже позволял выделить определенный генезис урбанистической цивилизации. К примеру, Аристотелем показана специфика организации политической деятельности древнегреческих городов-полисов. Описывая жизнь такого древнего города, он отмечал, что демократия заканчивается там, когда на всеобщем собрании в городе-полисе стоящие на городской площади перестают слышать оратора. Характерные черты урбанизма античной Греции проявлялись не только в формировании определенной системы управления в городе-полисе, концентрации городского населения, но и создании системы городской защиты от внешних врагов.

Для Древнего Рима характерен несколько иной процесс. Небольшое поселение на реке Тибр со временем превратилось в могущественный город. В основу его развития были положены такие инструменты, как привлечение нежителей в город с уравниванием их в правах и свободах наравне с автохтонным населением. Дальнейшее развитие Рима позволило ему захватить всю Италию и иные земли.

Развитию Римской империи способствовало не только активное строительство позаимствованных у древних греков водопровода и мощеных дорог, но и активное развитие самоуправляющихся городов, управление которыми строилось на римском праве [18, с. 13].

Наиболее крупные города выступали как важные звенья в феодальной иерархии, будучи развитыми ремесленными и торговыми центрами. Они выполняли политические, экономические и военно-оборонительные функции. Но в таком сочетании уже содержится известное противоречие. Нередко города эпохи феодальной раздробленности оказывали активное сопротивление княжеской власти, могли изгонять и призывать князей, навязывать им свою волю [7, с. 32–70; 24, с. 60]. Анализируя средневековый город Средней Азии в V – начале XIII в., А.Анарбаев заключает, что высокий уровень благоустройства связан с особенностями процессов урбанизации в раннем Средневековье, когда города являлись местными политическими центрами [1, с. 111]. Налицо достаточно устойчивая корреляция между развитием города как политического центра и уровнем его благоустройства. Казалось, в первую очередь уровень экономического развития города должен обуславливать специфику процессов урбанизации, связанных с благоустройством поселения. Для средневекового города Средней Азии на первый план выдвигаются факторы, связанные именно с его развитием как политического центра. Примеров этому достаточно.

Перенос столицы России 12 марта 1918 г. из Петрограда в Москву. Перемещение политических и представительских функций в дальнейшем определило экономическое развитие Москвы. Согласно же Конституции России, местом постоянного пребывания отдельных федеральных органов государственной власти может быть другой город, определенный федеральным конституционным законом. Несомненно, это преследует две глобальные цели: 1) разгрузить действующую столицу от перенасыщенного нахождения отдельных федеральных органов государственной власти и 2) катализировать экономическое развитие иных городов федерации.

Строительство новой столицы Бразилии в центральной части страны, где главной целью был перенос политических и представительских функций в новую столицу и, как следствие, развитие центральной части страны.

Если взять кейс Республики Казахстан по переносу столицы, то количество целей значительно больше. В декабре 1997 г. столица Казахстана была перенесена из Алма-Аты в Акмолу. Главная задача заключалась в достижении этнодемографического равновесия. Необходимо было стимулировать переселение жителей из перенаселенного юга в индустриальные северные регионы, задействовав их в промышленности и сельском хозяйстве центра и севера страны. Перенос столицы в центр Казахстана, помимо административных изменений, укрепил территориальную целостность, способствовал притоку инвестиций и развитию инфраструктуры нового столичного города. Среди внешнеполитических аргументов важную роль сыграло положение Алма-Аты, находившейся в непосредственной близости от китайской границы на южных рубежах государства [17, с. 42, 43]. Здесь

мы наблюдаем преследование руководством Казахстана не только экономических целей, но и разрешение отдельных наиважнейших противоречий, возникших в казахстанском обществе. Или – в трактовке французского философа Мишель де Серто – язык власти «урбанизируется» [20, с. 190].

Специалист в области топонимики Б.М.Поспелов, исследуя древнерусский город, делает заключение, что он представлял собой укрепленное селение. Таких городов (огороженных селений) было рассеяно по Русской земле множество, за что она и получила от скандинавов X–XI вв. наименование «Гардр» (Gardr, ср. др.-слав. «град», литов. Gardas – «ограда», готск. gards – «дом») – «города». В XIII в. это же название встречается в форме «Гардарики» (Gardariki), с тем же значением [15, с. 21]. В России же в период X–XI вв. основные функции заключались в создании укрепленных поселений, распределение которых по всей Древней Руси вылилось в формирование топонимии на карте мира далеко за пределами Руси – «Гард» («Гардарики»). Таким образом, уже в Средние века за Русью закрепилось, как это ни парадоксально, название «страны городов».

Историк Л.В.Кошман исследовала город и городскую жизнь в России XIX столетия с позиций социальных и культурных аспектов, практически не рассматривая город в административно-военном контексте. Однако она подчеркивала, что русский город того времени был многофункциональным, что имело схожие черты с западноевропейскими городами. Как заключает Л.В.Кошман, его отличительной особенностью была приоритетность административных функций. Такая статусность русского города того периода давала возможность к его благоустройству, развитию инфраструктуры и социально-культурной среды [8, с. 177, 178].

Схожие феномены были и в странах Западной Европы. Бельгийский историк Анри Пиренн исследовал историю развития городов средневековой Бельгии. С того времени, как в Европе проявились первые признаки начавшегося возрождения промышленности и торговли, Бельгия приобрела тот облик, который она сохранила с тех пор на протяжении веков: она стала преимущественно страной городов [14, с. 142].

Историческая роль Нидерландов в бассейне Северного моря сопоставима с функциями, которые выполняли Венеция, Пиза и Генуя в Средиземноморском регионе. Трансформация уклада жизни, обусловленная развитием торговых отношений, повлекла за собой значительные социально-экономические последствия. В этот период происходило постепенное формирование социальной страты, основой существования которой являлись торгово-посреднические операции. Возрастающее значение нидерландской торговли (начиная с XI в.) начало оказывать определяющее воздействие на политический курс правителей, что выражалось, прежде всего, в эволюции систем налогообложения и таможенных сборов.

Уже в XIII в. «Братство святого Христофора» в Турне направляло часть своих финансовых средств на фортификационные работы, а также принимало на себя расходы, связанные с содержанием дозорной башни и организацией караульной службы. Трансформация купеческих поселений в укрепленные бургы может

рассматриваться как исходная точка нового этапа развития для большинства бельгийских городов. Именно данной трансформацией во многом обусловлено последующее развитие городских институтов и формирование городского права. С устройством укрепленной ограды или рва вокруг города городская территория получала также особый мир [14, с. 161]. В этот период мы имеем дело уже не с простой совокупностью купцов и ремесленников и не с персональным объединением лиц, занятых в торговле и производстве.

Поскольку фламандские города находились в исключительном ведении светской политической власти, их развитие не сдерживалось, в отличие от Льежа или Камбре, домениальными порядками либо церковными институтами. Граф занял по отношению к своим городам то же положение, которое он уже с X в. занимал в отношении аббатств, а именно – статус верховного фогта³.

Теоретик анархизма П.А.Кропоткин отмечал, что чем более мы знакомимся со средневековым городом, тем более убеждаемся, что он не был простою политической организацией для охраны известных политических свобод. Он представлял попытку организации – в более широком размере, чем это было сделано в деревенской общине, – тесного союза для целей взаимной помощи и поддержки, для потребления, производства и для общительной жизни вообще, – не налагая для этого на людей оковы государства, но предоставляя, наоборот, полную свободу для проявления созидательного гения каждой отдельной группы людей в области искусства, ремесел, науки, торговли и политического строя [10, с. 193].

Историография городов Южной Германии в своем развитии позволяет выделить такой феномен XIV в., как «война городов». Городскую войну 1387/89 гг. можно охарактеризовать как главный конфликт за порядок. Первоначально начавшаяся как локальный конфликт между Баварией и Зальцбургом, события войны в конечном итоге вылились в решение о будущей роли короля, князей и городов в империи. Швабский союз городов последовательно консолидировал городские права и позиции власти во время войны, вернув себе место в политическом «концерте» территориальных властей. Намереваясь представить себя независимым фактором власти в политике империи и защитить присвоенные права от посягательств короля, города в конечном итоге стремились к уравниванию с князьями, исключая правителя. Столкнувшись с отсутствием имперской власти, которая создавала неопределенность в империи из-за колеблющегося курса, имперские сословия пытались решать имперские дела самостоятельно. По сути, внутренние разногласия между членами городской конфедерации привели к тому, что присвоение королевской законной и мирной (Friedensgewalt) власти провалилось. Для развития империи городская война 1387/89 гг. представляла собой важный этап. Он внес свой вклад в изменения в имперском порядке, которые очень постепенно привели к появлению представления

3 Слово «фогт» мы можем наблюдать в древнемецком, голландском, шведском, датском и конечно же латинском языках (языке Римской империи). Фогт обладал титулом управляющего или адвоката, сюзерена (в основном из дворянства), осуществляющего опекунство или военную защиту, а также светское правосудие на определенной территории.

о том, что империя также может существовать независимо от короля⁴. Более того, для Германии было характерно (в различные периоды времени) зарождение и развитие так называемых «вольных городов». В разное время это были Гамбург, Бремен, Любек, Данциг и др. Причем такие проявления образования вольных городов наблюдались в Италии, Пруссии, Австрии, Дании.

Немаловажным фактором, который отмечает П.А.Кропоткин, было создание в городе собственной юрисдикции: «Самым существенным пунктом для освобождавшегося города была собственная юрисдикция, которая влекла за собой и собственную администрацию. Но город не был просто «автономной частью государства» – подобные двусмысленные слова еще не были изобретены в то время, – он составлял государство само по себе» [10, с. 172].

Немецкий мыслитель М.Вебер, размышляя о ранних этапах развития городов-крепостей в Англии, отмечал их развитие как особого политического образования, которое он тесно связывал с бургом [3, с. 26]. Наименование «burgenses» происходит от того, что его политическое правовое положение, как и связанная с ним правовая природа, обусловлено обязательством поддержания и защиты крепости [3, с. 436]. У средневековых городов М.Вебер выделял не только экономические, но и военно-политические функции.

Очевидно, что место и роль городов в развитии различного рода конфликтов велико. Города по своей сути являются концентраторами власти, различных производств, финансов, логистических маршрутов и проч. Именно поэтому возникновение конфликтов происходит именно в городах, с выдвижением политических требований к действующей власти. Дальнейшая эскалация на остальной территории страны или региона во многом идет в борьбе за города (столицу). Нередко их политическое значение для противоборствующих сторон стратегически гораздо важнее, нежели исключительно военное [21, с. 66, 83]. Как справедливо отмечает политический географ И.Ю.Окунев, «контроль за столицей часто приравнивается к победе в войне» [12, с. 82]. Так, в Сирии шла борьба за промышленный Алеппо, а в дальнейшем – и за столицу Дамаск.

Стоит понимать, что развитие человеческой цивилизации тесно связано с развитием урбанизации. Это относится как к античному периоду, так и более поздним периодам. Помимо торгово-экономических функций у древних городов начали зарождаться политико-административные и военные функции. Некоторые древние города проводили свою собственную политику, имея свои военные формирования. Получается, что политическая и военная значимость городов уже тогда была многоаспектной. Наблюдалось переплетение военных и политических функций. Более того, такие функции чрезвычайно трудно вычленишь из всего многообразия развития городов, представить их дискретно. Скорее всего, развитие таких функций шло рука об руку, параллельно этому начало зарождаться уникальное право – городское.

⁴ Schubert A., Städtekrieg, 1387/1389, publiziert am 20.09.2011. In: Historisches Lexikon Bayerns. URL: https://www.historisches-lexikon-bayerns.de/Lexikon/Städtekrieg_1387/1389.

Город как «архитектурный противник»

Анализ ведения боев в городе позволяет заключить, что город становится особым полем боя. По своей сути город уже является укрепленным объектом: бетонные здания и сооружения, надземные и подземные коммуникации, логистические артерии.

Июньское восстание рабочих 1848 г. в Париже показало, что вести баррикадную борьбу в узких и кривых улицах города правительственным войскам было весьма трудно. Плохо организованные и примитивно вооруженные 44 тыс. пролетариев, не руководимые никем, сумели продержаться против 150-тысячной армии генерала Кавеньяка целых три дня [9]. Боевые действия Парижской коммуны 1871 г. еще раз показали важность городов в вооруженном противостоянии и использование городской инфраструктуры противоборствующими сторонами. Театром военных действий Коммуны против Реакции был Париж, а глубина реки Сены допускала применение речных флотилий, которые активно использовались противоборствующими сторонами.

Англичанами в ходе Первой мировой войны был разработан наземно-подземный комплекс. Его подземная составляющая повышала живучесть войск, системы управления и в целом устойчивость обороны. Такие комплексы создавались как в полевых, так и в городских условиях [5, с. 3].

Таким образом, город со своей архитектурой в вооруженном противостоянии выступает диалектическим многообразием как для наступающих, так и для обороняющихся. Его архитектурные формы могут выступать укрытием одновременно для всех противоборствующих сторон. В то же время коммуникации города, захваченные одной из сторон, могут выступать в виде катализатора успеха для одной стороны.

Известно, что борьба за город складывается из боевых действий войск на дальних, ближних подступах к нему и непосредственно в черте города. Причем городские бои ведутся в трех сферах (наземной, высотной и подземной) и отличаются чрезвычайной сложностью, сопровождаются большими разрушениями, пожарами и людскими потерями [13, с. 31].

Значение городов как ключевых объектов в системе военного противоборства подчеркивалось многими мыслителями, учеными, военачальниками. Город древности выступает с двоякой стороны: как элемент оплота государственной власти и как средство обеспечения безопасности и защиты граждан⁵. Мы можем вспомнить крепостные стены Кремля, земляные валы Рязани или Переславль-Залесского. В 1777 г. Николай Курганов писал в главе «Повесть о военной архитектуре» своей «Книги о науке военной»: «Наука укреплять выдумана для соблюдения права и спокойствия народного. Общее добро соблюдалось только незлобием человеческим:

⁵ Забузов О.Н. Эпицентр войны – город. Пространственный параллелограмм сил в борьбе за города. 21.04.2022 // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/epicentr-vojny-gorod/>.

а как скоро пророки овладели их сердцем, то принуждено было чинить разделы, корыстолюбие и зловредная зависть родила несогласие и ненависть; сильной сделался жаден к чести; а скудные пришедше во изнеможение стали себе делать убежища или ограждение места. Вот начало городов и укрепления оных» [11, с. X].

Стоит задаться несколькими вопросами относительно развития современного города как военного объекта. Ставит ли, к примеру, современная власть проблемы развития городов с военной точки зрения? Что является основным двигателем в развитии городов: социально-экономические аспекты или военные? Прорабатывается ли (и если да, то кем) использование инфраструктуры современного города в военных или оборонительных целях? Каким образом использование городских систем типа «безопасный город» увязывается с вопросами гипотетической военной обороны города? Так, еще в середине 20-х гг. XX в. военный мыслитель А.А.Свечин обращал внимание на высокую уязвимость Ленинграда и объектов промышленности, размещенных в расположенном близ границы городе [19, с. 35].

Понятно, что власть современных городов в большей степени основные усилия делает в направлении развития экономики города, социальной, транспортной инфраструктуры и др. Вместе с тем доступ к «чувствительным» системам жизнеобеспечения города дает той или иной противоборствующей стороне быть в выигрышном положении. К примеру, Указом Президента РФ от 30.11.1995 № 1203 «Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне» определено, что сведения, раскрывающие схемы водоснабжения городов с населением более 200 тыс. человек, подлежат отнесению к государственной тайне⁶.

Возникает сложный вопрос относительно соотношения власти городов и власти государства в связи с развитием города как военного объекта.

Ход СВО красноречиво показывает, что основное вооруженное противостояние происходит около и в населенных пунктах. Чем крупнее поселение, а как следствие, развитее его городская и промышленная инфраструктура, тем больше возможности и вероятности у противоборствующей стороны оказывать вооруженное сопротивление. Характерный пример – освобождение Мариуполя и его промышленных площадок, в первую очередь территории металлургического комбината «Азовсталь». Или переброска подразделений Российской армии по подземному трубопроводу в захваченную противником город Суджу и успешное его освобождение, безусловно, является неповторимым примером не только храбрости и мужества, но и неординарности военного мышления в деле освобождения города.

Качественным аспектом вооруженного противостояния в городах является архитектурный геноцид (урбицид) [4, с. 217]. Достаточно вспомнить недавние события Сирии, при которых контроль над сирийской Пальмирой неоднократно перетекал между противоборствующими сторонами: террористическими группировками и правительственными войсками. Причем определенный урон наносился сознательно

⁶ Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне: Указ Президента РФ от 30.11.1995 № 1203 // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8549>.

боевиками в период их контроля над Пальмирой, заключавшийся в уничтожении культурных артефактов, имеющих всемирное значение.

Это приводит нас к тому, что городская архитектура, памятники, знаковые места являются той формой индивидуальности, в которой отчасти сосредотачивается коллективная память – важнейшая историческая ценность.

Итальянский архитектор и философ А.Росси, развивая тезис М.Хальбвакса, отмечал, что сам город является коллективной памятью народов; так же, как память привязана к фактам и местам, город представляет собой локус коллективной памяти.

Уничтожая город, противник наносит непоправимый ущерб не только культурному наследию и эстетике, но и предпринимает серьезные шаги по стиранию коллективной памяти [16, с. 121, 122]. Вооруженные силы Украины активно используют гражданские постройки для укрытия вооружения и военной техники, прикрываясь мирными жителями. В то же время отступление войск Украины связано с сознательным уничтожением архитектурных пространств – от обычных построек и сооружений до мостов и путепроводов. Во всех населенных пунктах современной Украины происходит уничтожение памятников, символизирующих давнюю связь с народами России и всего бывшего СССР, что является средством выкорчевывания исторической памяти граждан Украины.

Таким образом, город предстает в многоликом виде для противоборствующих и обороняющихся сторон. Все многообразие городских построек и природных городских ландшафтов позволяет быть в выигрыше одной из противоборствующих сторон, а современные реалии ведения вооруженного противостояния в чертах городской застройки являются отражением опыта прошлого. Разрушение города, его культурных и знаковых мест в самом крайнем случае является проявлением урбицида и стиранием наследия национальной памяти общности.

Выводы

Начиная с античной древности развитие городов тесно связано с развитием самой политической власти в обществе. Власть приобретает все более выраженный характер. Наиболее крупные города становились центрами не только финансово-экономических отношений, но и центрами концентрации политической власти, что в итоге ставило отдельные города в противовес действующей власти страны. Такое развитие городов в отдельных случаях создавало предпосылки не только для развития их политико-административных функций, но и для формирования военных функций. Дальнейшее развитие городов привело к таким историческим феноменам, как «война городов», «вольные города». Отдельные города, по сути, представляли собой города-государства. Обладание городами военной силой предопределило в том числе развитие института налогообложения, что в дальнейшем привело к развитию фискального и городского права. Вместе с тем современный этап развития социума, скорее всего, в меньшей степени может быть охарактеризован наличием военных

функций у городов. Однако обладание городами в период кризисных ситуаций, связанных с вооруженным противоборством, ставит одну из противоборствующих сторон в более выигрышное положение. Если же этот город является столицей, то это во многом приравняется к победе.

Город в древности и в современное время является особым полем вооруженного противостояния. Все многообразие рукотворных и природных ландшафтов города создает условия для обеих противоборствующих сторон. Именно в городе возможно использование его «концентрированных» коммуникаций и сенсоров противоборствующими сторонами. Захват и удержание города – это не только военный успех. Обладание городом и его архитектурными формами выступает своего рода определенным символом успеха той или иной противоборствующей стороны. Разрушение города и его символических мест являет собой не только проявление урбицида, но и уничтожение локуса коллективной памяти.

Список литературы

1. Анарбаев А. Благоустройство средневекового города Средней Азии (V – начало XIII в.) [Improvement of the Medieval City of Central Asia (5th – Early 13th Century)]. Ташкент: Фан, 1981. 120 с.
2. Анимца Е., Дворякина Е., Силин Я. Бюджет большого города [Budget of a Big City]. М.: Московская школа политических исследований, 2002. 264 с.
3. Вебер М. Город [City]. М.: StrelkaPress, 2017. 252 с.
4. Война среди стен [War Among the Walls] / М.С.Барабанов, М.С.Велимамедов, С.А.Денисенцев (и др.); под ред. А.В.Лавренова и Р.Н.Пухова. М.: ЦАСТ, 2023. 320 с.
5. Горбунов О.В. Тактика штурмовых формирований по ведению боевых действий с использованием подземного пространства в годы Великой Отечественной войны [Tactics of Assault Formations in Conducting Combat Operations Using Underground Space during the Great Patriotic War] // Военно-исторический журнал. 2010. № 9. С. 3–8.
6. Ильина И.Н., Коно М. Трансформация подходов к развитию «умного города» [Transformation of Approaches to the Development of a «Smart City»] / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 248 с.
7. Карлов В.В. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху Средневековья (к постановке вопроса) [On the Factors of Economic and Political Development of the Russian City in the Middle Ages (Towards the Formulation of the Question)] // Русский город (историко-методологический сборник). М.: Изд-во Московского ун-та, 1976. С. 32–70.
8. Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты [The City and Urban Life in Russia in the 19th Century: Social and Cultural Aspects]. М.: РОССПЭН, 2008. 448 с.
9. Красильников С.Н. Боевые действия и военное искусство Парижской Коммуны 1871 года [Combat Actions and Military Art of the Paris Commune of 1871]. М.: Краснознам. воен. акад. РККА им. М.В.Фрунзе, 1934. 138 с.
10. Кропоткин П.А. Взаимная помощь какъ факторъ эволюции [Mutual Aid as a Factor of Evolution]. СПб.: Знание, 1907. 364 с.
11. Курганов Н. Книга о науке военной [Book on Military Science]. СПб., 1777. 408 с.
12. Окунев И.Ю. Столица и столичность: институт и символический капитал [Capital and Capitalism: Institution and Symbolic Capital] // Философские науки. 2016. № 1. С. 80–87.
13. Олесик Н.С. Военная геоурбанистика [Military Geourbanistics] // Армейский сборник. 2014. № 2. С. 31–36.
14. Пиренн А. Средневековые города Бельгии [Medieval Cities of Belgium] / Пер. с фр. под редакцией проф. Е.А.Косминского. СПб.: Евразия, 2001. 512 с.
15. Пospelов Б.М. Названия подмосковных городов, сел и рек [Names of Moscow Region Cities, Villages, and Rivers]. М.: Муравей, 1999. 208 с.
16. Росси А. Архитектура города [Urban Architecture]. М.: Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», 2015. 151 с.

17. Садовская Е.Ю. Миграция в Казахстане на рубеже XXI века: основные тенденции и перспективы [Migration in Kazakhstan at the Turn of the 21st Century: Main Trends and Prospects]. Алма-Ата: ФАЛЫМ, 2001. 260 с.
18. Сачкова В.А. Урбанизация как социальный процесс: философский анализ [Urbanization as a Social Process: a Philosophical Analysis]: автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 2013. 24 с.
19. Свечин А.А. Стратегия [Strategy]. М.: Военный вестник, 1927. 256 с.
20. де Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать [The Invention of the Everyday. 1. The Art of Doing] / Пер. с фр. Д.Калугина, Н.Мовниной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
21. Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира [The Art of Statecraft. Strategies for a Changing World]. М.: Альпина Паблишер, 2003. 504 с.
22. Флорида Р. Новый кризис городов: Джентрификация, дорогая недвижимость, растущее неравенство и что нам с этим делать [The New Urban Crisis: Gentrification, Expensive Real Estate, Growing Inequality, and What to Do About It]. М.: Точка, 2018. 368 с.
23. Фролова Е.В., Погач О.В. Исследование систем управления городов [Study of Urban Management Systems]. М.: Проспект, 2022. 160 с.
24. Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) [The Origin of Novgorod (towards the Problem Statement)] // История СССР. 1971. № 2. С. 32–61.

Информация об авторе

ЗАБУЗОВ Олег Николаевич. Кандидат политических наук. Доцент кафедры информационно-аналитической деятельности Московского государственного лингвистического университета. <https://orcid.org/0000-0001-6032-2042>. Адрес: Российская Федерация, 119034, г. Москва, Остоженка, 38, стр. 1. zabuzov@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16 марта 2026 г. Одобрена после рецензирования: 30 апреля 2026 г. Принята к публикации: 15 мая 2026 г. Опубликовано: 1 июня 2026 г. Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Anarbaev A. Improvement of the Medieval City of Central Asia (5th – early 13th century)]. Tashkent: Fan [Fan], 1981. 120 p. [In Russian].
2. Animitsa E., Dvoryadkina E., Silin Ya. Budget of a Big City. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy [Moscow School of Political Studies], 2002. 264 p. [In Russian].
3. Weber M. The City. [Original work published 1921]. Moscow: StrelkaPress, 2017. 252 p. [In Russian].
4. Barabanov M.S., Velimamedov M.S., Denisentsev S.A., et al. War Among the Walls. Ed. by A.V.Lavrenov and R.N.Pukhov. Moscow: TsAST [CAPT], 2023. 320 p. [In Russian].
5. Gorbunov O.V. Tactics of Assault Formations in Conducting Combat Operations Using Underground Space during the Great Patriotic War. Voenno-istoricheskiy zhurnal [Military History Magazine]. 2010; 9:3–8 [In Russian].

6. Ilina I.N., Kono M. Transformation of approaches to the development of a «smart city». Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki [Publishing House of the Higher School of Economics], 2023. 248 p. [In Russian].
7. Karlov V.V. On the Factors of Economic and Political Development of the Russian City in the Middle Ages (Towards the Formulation of the Question). In Russian City (historical and methodological collection). Moscow: Izd-tvo Moskovskogo un-ta [Publishing house of Moscow University], 1976:32–70 [In Russian].
8. Koshman L.V. The City and Urban Life in Russia in the 19th Century: Social and Cultural Aspects. Moscow: ROSSPEN [ROSSPAN], 2008. 448 p. [In Russian].
9. Krasilnikov S.N. Combat Actions and Military Art of the Paris Commune of 1871. Moscow: Krasnoznam. voen. akad. RKKA im. M.V.Frunze [Red Banner Military Academy of the Red Army named after M.V.Frunze], 1934. 138 p. [In Russian].
10. Kropotkin P.A. Mutual Aid as a Factor of Evolution. St.Petersburg: Znaniye [Knowledge], 1907. 364 p. [In Russian].
11. Kurganov N. Book on Military Science]. St.Petersburg, 1777. 408 p. [In Russian].
12. Okunev I.Yu. Capital and Capitalness: Institution and Symbolic Capital. Filosofskiye nauki [Philosophical sciences]. 2016; 1:80–87 [In Russian].
13. Olesik N.S. [Military Geourbanistics]. Armeyskiy sbornik [Army Collection]. 2014. 2):31–36 [In Russian].
14. Pirenne H. Medieval Cities of Belgium. [Original work published 1948]. Transl. from French by E.A.Kosminskiy. St. Petersburg: Evraziya [Eurasia], 2001. 512 p. [In Russian].
15. Pospelov B.M. Names of Moscow Region Cities, Villages, and Rivers. Moscow: Muravey [Ant], 1999. 208 p. [In Russian].
16. Rossi A. The Architecture of the City. [Original work published 1966]. Moscow: Institut media, arhitektury i dizajna «Strelka» [Strelka Institute of Media, Architecture and Design], 2015. 151 p. [In Russian].
17. Sadvovskaya E.Yu. Migration in Kazakhstan at the Turn of the 21st Century: Main Trends and Prospects. Almaty: FALYM [FALYM], 2001. 260 p. [In Russian].
18. Sachkova V.A. Urbanization as a Social Process: a Philosophical Analysis: Abstract of Theses. ... CandSc. (Philosoph.), Moscow, 2013. 24 p. [In Russian].
19. Svechin A.A. Strategy. Moscow: Voennyi vestnik [Military Bulletin], 1927. 256 p. [In Russian].
20. de Certeau M. The Invention of the Everyday. 1. The Art of Doing. [Original work published 1980]. Transl. by D.Kalugin, N.Movnina. St.Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge [Publishing House of the European University in St.Petersburg], 2013. 330 p. [In Russian].
21. Thatcher M. The Art of Statecraft: Strategies for a Changing World. Moscow: Al'pina Publisher [Alpina Publisher], 2003. 504 p. [In Russian].
22. Florida R. How Our Cities are Increasing Inequality. Deepening Segregation, and Failing the Middle Class and what We Can Do about It. Moscow: Tochka [Point], 2018. 368 p. [In Russian].
23. Frolova E.V., Rogach O.V. Study of Urban Management Systems. Moscow: Prospekt [Avenue], 2022. 160 p. [In Russian].
24. Yani, V.L., Aleshkovskiy M.Kh. The Origin of Novgorod (Towards the Problem Statement)] Istoriya SSSR [History of the USSR]. 1971; 2:32–61 [In Russian].

About the author

Oleg N. ZABUZOV. CandSc. (Polit.). Associate Professor of the Department of Information and Analytical Activities at Moscow State Linguistic University. <https://orcid.org/0000-0001-6032-2042>. Address: Build. 1, Ostozhenka str., 38, Moscow, 119034, Russian Federation. zabuzov@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: March 16, 2026. Approved after peer review: April 30, 2026. Accepted for publication: May 15, 2026. Published: June 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.